

В. А. Томсинов

**«Судьба определила всем
обществам человеческим менять
только пороки»:
М.М. Сперанский о технологии
проведения государственных
преобразований**

Сокращенный вариант очерка,
опубликованного в журнале
«Законодательство».
2016 год. № 8, 9, 10, 11, 12.

Исследователи судьбы, творчества и государственной деятельности М.М. Сперанского главное свое внимание обращают обыкновенно лишь на содержание его реформаторских замыслов, планов, проектов и на воплощение их в действительную жизнь. Политико-правовые идеи русского реформатора, безусловно, представляют научный интерес и нуждаются в дальнейшем более всестороннем и глубоком изучении. Однако есть в произведениях Сперанского, помимо этого, нечто и другое не менее интересное и ценное, но по каким-то причинам ускользающее от внимания изучающих его наследие.

Излагая планы и проекты реформ, анализируя в своих записках состояние российской государственности, Сперанский не ограничивался описанием нововведений и пороков, для исправления которых они были предназначены, но высказывал мысли и о том, каким образом должны проводиться преобразования, какие беды и опасности они могут нести с собой, на какой результат можно рассчитывать при их осуществлении в условиях России. Эти мысли разбросаны по его трактатам, запискам, проектам, письмам, но если их свести воедино и привести в какую-то систему, то сложится конструкция, которую можно назвать *методикой* или **технологией проведения государственных преобразований**.

Данная методика имела скорее прикладной, чем теоретический характер: она исходила не из умозрительных размышлений, а из совершенно прагматичной оценки состояния российского общества и характера его государственности. Выражая эту оценку, Сперанский предстает настоящим консерватором, то есть государственным деятелем, стремящимся сохранить существующие порядки.

В качестве свидетельства этого можно привести записку, отрывок которой был напечатан в 1872 г. под весьма примечательным названием «Порядок и его следствия в государстве». Михаил Михайлович высказал в ней мысль о том, что *реформы необходимы не ради какого-либо прогресса, но для сохранения существующего государственного строя и предотвращения его революционного слома*. Старый порядок, по его мнению, хорош уже в силу того, что существует долгое время и потому удобен для населения. Это мнение

кажется противоестественным для Сперанского, но вот его подлинные слова:

«Порядок постоянный и продолжительный превращается, наконец, в судьбу — в необходимость физическую. Он покоряет себе все существа, пресекает мечтания ума и сердца. Он сливается со всеми интересами жизни и образует ее по своему. Отсюда происходит: 1) Трудность изменений; 2) Спокойствие умов; 3) Привязанность сердца к интересам. Но когда он раз потрясен, то производит: 1) Нетерпеливость и беспредельность изменений; 2) Общее смущение и ярость умов; 3) Сражение интересов — революцию. *Для избежания сих превращений, нужно всемерно охранять существующий порядок, т. е. 1) Часто осматривать его и, соображая его с духом времени, поправлять обветшалое. 2) Вводить постепенные в нем перемены и непрестанно улучшать, чтобы всего не переделывать»*¹ (курсив мой. — В.Т.).

Содержание разработанных Сперанским проектов государственных преобразований оставалось почти неизвестным русскому обществу на протяжении XIX века. Поэтому судили о нем как о реформаторе более на основании слухов, нежели с опорой на достоверные сведения. Слухи представляли Сперанского реформатором-либералом, пытавшимся подогнуть государственный строй Российской империи под начертанный им по западноевропейским образцам умозрительные схемы, не принимавшие во внимание ни русских традиций, ни духа русского народа, ни особых условий русского общества. Однако на самом деле Сперанский весьма скептически относился к способности спланированных, спроектированных преобразований изменить к лучшему общественную жизнь людей. «Вообще приметить должно, — отмечал он в одной из своих записок, — что всякая перемена без нужды и без видимой пользы есть вредна, так как все почти легкие средства в делах государственных по большей части суть средства ненадежные... Перемены могут быть на время блистательны, но со временем зло возрастает самым исправлением его»².

¹ Сперанский М.М. Порядок и его следствия в государстве // В память графа Сперанского. 1772–1872. СПб., 1872. С. 847–848.

² Сперанский М.М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России // Сперанский М.М. Проекты и записки. Л.-М., 1961. С. 138.

В другой своей записке «реформатор» признавал: «Всякой степени гражданственности присвоены свои пороки и свои добродетели. Не решен еще спор, в которой из сих степеней народ счастливее» и после этого делал поразительное по своему трагическому прагматизму заявление: — СУДЬБА ОПРЕДЕЛИЛА ВСЕМ ОБЩЕСТВАМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ МЕНЯТЬ ТОЛЬКО ПОРОКИ»³.

Те, кто приписывали Михаилу Сперанскому стремление пересадить на русскую почву французское гражданское право, явно не догадывались, что оно противоречит самым фундаментальным его воззрениям на право и правопорядок. «Учреждения наши, конечно, недостаточны, но их можно усовершенствовать и исправить, — писал он. — Но исправить гражданский и уголовный закон скоро почти нет никакой возможности... Есть ли бы и существовала в Европе система добрых законов в сей части, она не могла бы у нас скоро приведена быть в действие, ибо правый суд по необходимости предполагает не только просвещенных судей, но просвещенную публику, искусных законовевов, знающих стряпчих и методическое сей части учение; без сего самая лучшая система судоведения произведет одно только вредное действие новости»⁴.

В записке же «Введение к Своду гражданских законов», составленной перед началом работ по созданию Свода законов Российской империи, Михаил Михайлович считал необходимым заметить: «Уложения не изобретаются, но слагаются из прежних законов с дополнением и исправлением их сообразно нравам и обычаям и действительной потребности государства»⁵.

Технология проведения государственных преобразований, сформулированная Сперанским, опиралась на знание закономерностей человеческой жизни, общественных реалий, понимание действительного состояния российской государственности. «Одно из главных правил лиц управляющих, —

³ Сперанский М.М. О постепенности усовершенствования общественного // Там же. С. 76.

⁴ Сперанский М.М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России // Там же. С. 122.

⁵ Сперанский М.М. Введение к Своду гражданских законов // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. 1859. Кн. 2. С. 2.

декларировал русский реформатор, — должно быть знать свой народ, знать время... Теории редко полезны для практики. Они объедают одну часть и не вычисляют трения всей системы, а после жалуются на род человеческий»⁶.

Бесплодность и даже вредность многих преобразований, проводимых государственной властью, проистекает часто не только из корыстного стремления властвующих укрепить свою власть за счет общества, незнания исторического опыта осуществления реформ, непонимания ими своего народа. Преобразования могут оказаться неэффективными вследствие отсутствия сил, способных последовательно их осуществить, или от невозможности переменить государственный порядок в течение обозримого времени.

М.М. Сперанский понимал общество как саморазвивающийся организм и вследствие этого считал самыми плодотворными реформами такие, которые проводятся при содействии самого общества и времени. Реформаторская задача государственной власти должна в этом случае сводиться лишь к устранению препятствий на пути поступательного развития общества, к поддержанию, а если необходимо, то восстановлению нормальных условий общественной жизни.

Сперанского обвиняли в том, что он стремился на основе начертанных им умозрительных планов и проектов коренным образом переменить сложившееся в России в течение столетий правление. На самом деле Михаил Михайлович ясно сознавал невозможность за короткий срок и силами одной только государственной власти, какой бы могущественной она ни была, переменить государственный строй. «Надобно только сравнить образ управления монархического, — утверждал он, — с управлением, ныне в России существующим, чтоб удостовериться, что никакая сила человеческая не может сего последнего превратить в первое, не призвав в содействие время и постепенное всех вещей движение к совершенству»⁷.

⁶ *Сперанский М.М.* О постепенности усовершенствования общественного // Сперанский М.М. Проекты и записки. Л.-М., 1961. С. 76.

⁷ *Сперанский М.М.* Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России // Там же. С. 138.

Вместе с тем Сперанский хорошо понимал, что государственная власть не должна проводить реформы бессистемно и бездумно, т.е. без продуманного заранее плана. «Отчего все человеческие установления столько несовершенны? — задавался он вопросом и отвечал: — Сверх многих других причин оттого, что все они делаются по большей части отрывками и без общего начертания. Нетерпеливость, людям столь естественная, обольщение разума видами народного счастья и скорейшего улучшения, чаяние, что поправив одну часть, дела пойдут лучше, все сие вводит нередко самые благоразумнейшие правительства в частные организации и не дает, так сказать, созреть общему плану»⁸.

* * *

Выраженная в трактатах, записках, проектах М.М. Сперанского технология проведения государственных преобразований имеет особое значение для современной России.

Описывая в своей «Истории России с древнейших времен» состояние российской государственности и правосудия середины XVIII в., профессор Московского университета С.М. Соловьев заметил: «При слове “суд” вздрагивал русский человек». После длительного периода, похожего на целую историческую эпоху, совершающихся с 1985 года беспрестанных, хаотичных и непродуманных преобразований, слово «реформа» не может не восприниматься российским народом в качестве термина, обозначающего катастрофическое, пагубное для страны деяние государственной власти. И поэтому можно с полным основанием сказать, что в настоящее время при слове “реформа” «вздрагивает русский человек».

Происходящие на наших глазах в течение последних тридцати (!) лет катастрофические для общества и государства процессы были запущены, приведены в движение именно реформами. Экономические и политические реформы, осуществленные в СССР в конце 80-х годов XX века, стали одной из главных причин распада Советского государства. Социально-экономические реформы 90-х годов XX века разрушили и социальность, и экономику нашей страны.

⁸ Сперанский М.М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России // Там же. С. 111.

Они создали в России такой способ распределения материальных благ, собственности и политической власти, который расколол общество на группы с прямо противоположными, антагонистическими интересами. И собственность, и власть оказались монополизированными узкой группой лиц, совершенно неспособных к эффективному их использованию в общественных интересах. В России снова появились олигархи и нищие, господа и слуги. Возродилась атмосфера гражданской войны. При сохранении существующего состояния нашего общества неудивительным будет, если у нас опять войдет в моду марксизм, а социалистическая революция по-ленински, то есть с «экспроприацией экспроприаторов» и с отстрелом «слугами» своих «господ», станет лозунгом какой-нибудь политической партии. Близится столетие революции, и 2017-й год настойчиво и настоятельно напоминает нам о величайшем своей трагичностью 1917-м.

Чрезвычайно неудачной стала проведенная в середине 2000-х годов реформа государственного аппарата. Разрушительными для системы воспитания граждан и подготовки специалистов оказались реформы в сфере образования, причем как школьного, так и высшего. Созданная усилиями реформаторов-либералов банковская и налоговая система страны превратилась в тяжелое и едва ли преодолимое без новой реформы в этой сфере препятствие на пути поступательного развития промышленности и торговли.

Подобных примеров можно привести много. История России последней четверти столетия — это сплошная цепь не просто неудачных, но чрезвычайно губительных для российского общества и государства реформ. Кто-то может усмотреть в этой закономерности нечто мистическое. На самом деле ничего мистического здесь нет: ее причины вполне объективны и их нетрудно обнаружить. Для этого достаточно задаться вопросом: что объединяет все эти реформы? Ответ очевиден — их вопиющая неподготовленность, неспособность и неумение проводить какие-либо благотворные для населения страны преобразования. Удивительно, но реформы, вносящие коренные перемены в экономические и политические устои нашего общества, в основополагающие государственные институты, проводились (и до сих пор проводятся) без продуманного плана, без разработанного,

обсужденного и оцененного специалистами проекта, без учета всех возможных последствий нововведений. Складывается впечатление, что главной целью этих преобразований было не создание нового, более соответствующего интересам нашей страны экономического, культурного и политического порядка, но исключительно разрушение общественных и государственных устоев, сложившихся в советский период русской истории.

Общим результатом «реформ», проводившихся в последние двадцать пять лет, стало формирование в России уродливой общественно-политической системы, не способной обеспечить простым людям ни надлежащих гарантий личной безопасности и имущественной неприкосновенности, ни достаточного для нормальной жизни набора материальных и духовных условий. Исторический опыт показывает, что такая система не может существовать долго и обречена на скорый распад и гибель с самыми пагубными последствиями для живущих в ее рамках людей.

Очевидно, что избежать этого позволят лишь новые преобразования, но не такие, какие проводились до этого. *Необходимы реформы не разрушающие, а созидающие, возвращающие наше общество к нормальной жизни, причем во всех сферах – экономической, политической, духовной.*

* * *

Составленные М.М. Сперанским проекты государственных реформ были предназначены для решения множества проблем, с которыми столкнулась в то время Россия, но если все эти проблемы суммировать, то можно сказать, что Сперанский разрабатывал план **модернизации государственного строя Российской империи.**

Данная потребность является насущной и для современной России: существующее в ней государство ни по организации своей, ни тем более кадровым составом не соответствует интересам страны, оно тормозит развитие ее экономики, губит ее культуру, низводит к примитивному уровню систему школьного и высшего образования, усыпляет и умерщвляет силы народные, лишая наше отечество достойного будущего.

По иронии исторической судьбы главный порок современного российского государства все тот же, каким страдала государственность

Российской империи начала XIX века. Это ненормальная, чрезмерная **персонализация верховной государственной власти, обуславливающая повышенное влияние недостатков людей, занимающих высшие должности, на внутреннюю и внешнюю политику государства.** Исторический опыт показывает, что такое состояние государственности создает при определенных условиях опаснейшую угрозу существованию страны.

Модернизация государства и призвана в первую очередь если не искоренить окончательно, то существенно ослабить этот порок. Ее суть заключается в институционализации государственной власти, низводящей до минимума значение личного принципа в организации и функционировании политической системы страны.

Процесс такой модернизации происходил во всех развитых странах при переходе общества от феодализма к капитализму. Он выражался в усилении публично-правовых начал в устройстве и функционировании государства, в появлении трактовки монарха не только как физической персоны, но и как политического тела. В Англии модернизация государственного строя произошла еще в XVI веке, в ходе реформ Генриха VIII⁹, во Франции – в течение XVII века, в результате реформ кардинала Ришелье и короля Людовика XIV. Так называемые «буржуазные революции» 1640–1660 годов в Англии и 1789–1795 годов во Франции были в значительной мере реакцией на сформировавшееся в этих странах современное государство: они разбили его, но при этом не смогли создать вместо него сколько-нибудь устойчивую и эффективную систему государственной власти. Поэтому в Англии революция окончилась признанием законным королем сына казненного революционером Карла I и восстановлением монархии Стюартов, а во Франции по завершении революции пришлось заново формировать структуру современного государства. Выполнение этой задачи взял на себя первый консул

⁹ См. об этом: *Томсинов В.А.* Эволюция государственного строя Англии в эпоху правления династии Тюдоров // Проблемы истории государства и права. Сборник научных трудов / Ответственный редактор В. А. Томсинов. М.: Зерцало-М, 2009. С. 9–44.
Томсинов В.А. Государственный строй абсолютной монархии в Англии: новый взгляд // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 4 (16). С. 37–52.

Наполеон Бонапарт. Его реформы, создававшие устои современного государства, пришлись на начало XIX века.

Предпринятая в России в первые годы царствования императора Александра I попытка модернизации государственного строя не просто совпала по времени с государственными преобразованиями во Франции: она осуществлялась по таким же направлениям, по которым проводилась наполеоновская модернизация государственного строя. Александр I, как и Наполеон, стремился *в первую очередь* модернизировать бюрократию, создать новую организацию центрального и местного государственного управления. *Во-вторых*, в его намерения входило увенчать эти реформы принятием конституции. *В-третьих*, российский государь, как и французский император считал необходимым условием модернизации государственного строя всеобъемлющую систематизацию действующего законодательства.

Модернизация государственного строя Российской империи была невозможна при сохранении той степени персонализации верховной государственной власти, которая называлась самовластьем. «Верховное начало в России, — отмечал Сперанский в 1803 году в «Записке об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», — есть государь самодержавный, соединяющий в особе своей власть законодательную и исполнительную и располагающий неограниченно всеми силами государства. Начало сие не имеет никаких вещественных пределов»¹⁰.

Характеризуя Правительствующий Сенат, Государственный совет и министерства в составленной годом ранее записке «Размышления о государственном устройстве империи», Михаил Михайлович подчеркивал, что ни одно из этих мест не имеет прав и преимуществ, свойственных государственным установлениям и не может быть признано «телом политическим», поскольку собственной политической силы не имеет, но всецело зависит, и в бытии и в действии, от воли самодержца. При этом им внушалась мысль о том, что именно господство в устройстве государственной власти личного начала не позволяет создать в стране нормальный государственный строй и установить прочный правопорядок. «Во всяком государстве,

¹⁰ Сперанский М.М. Проекты и записки. Л.-М., 1961. С. 118.

коего политическое положение определяется единым характером государя, — утверждал он, — закон никогда не будет иметь силы, народ будет все то, чем власть предержащая быть ему повелит»¹¹.

Ослабить персонализацию верховной государственной власти и соответственно усилить ее институциализацию было невозможно без установления конституционного строя. Но взгляд на конституцию с практической точки зрения неизбежно порождает вопрос о том, **насколько надежным средством обуздания личного произвола правящих и ограничения влияния пороков властвующих на внутреннюю и внешнюю политику государства она может быть.** И Сперанский задавался этим вопросом. «Каким образом, — вопрошал он, — коренные законы государства соделать столько неподвижными и непререкаемыми, чтоб никакая власть преступить их не могла и чтоб сила, в монархии вседействующая, над ними единственно никакого действия не имела?»¹²

Как же отвечал на этот вопрос выдающийся русский мыслитель-реформатор? «Понятия о конституциях, — заявлял он, — суть порождения новой философии, столь же, по мнению нашему, бесполезные, как и все теории, на грезах воображения возвращенные и никогда события своего не достигающие. По крайней мере я должен из сего заключить, что, изучаясь древней философии, привыкнув размышлять с Аристотелем, Гроцием и Пуффендорфом, вы проникли во все изгибы и новых примечателей, познали всю неосновательность Монтескиев, Блэкстонов и прочих сего рода поверхностных умов; что теряли свое время, трудясь в течение целой жизни над несколькими листами их сочинений, вы постигли и заблуждения их и нелепость их правил и глубокими размышлениями проложили себе прямой и собственный путь к истине»¹³.

Что означали эти слова, о чем хотел сказать нам Михаил Михайлович Сперанский?

¹¹ Сперанский М.М. Размышления о государственном устройстве империи // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 56.

¹² Сперанский М.М. О коренных законах государства // Там же. С. 29.

¹³ Сперанский М.М. Отрывок о Комиссии уложения // Там же. С. 20.

Французский мыслитель Шарль-Луи Монтескье (1689–1755)¹⁴ высказал немало полезных идей о законах и технологии осуществления государственных преобразований. «Законодатель должен следовать духу народа, если это не противоречит принципам правления, потому что мы не делаем ничего лучше того, что делаем свободно, сообразно нашему природному гению»¹⁵, — писал он в 5-й главе 19-й книги самого знаменитого своего произведения «О духе законов», впервые напечатанного в 1748 году в Женеве, без указания автора. Императрица Екатерина II воспроизвела эту мысль Ш.-Л. Монтескье в своем «Наказе, данном Комиссии о сочинении проекта нового Уложения», правда, в несколько измененной формулировке: «Законоположение должно применять к народному умствованию. Мы ничего лучше не делаем, как то, что делаем вольно, непринужденно, и следуя природной нашей склонности»¹⁶.

В 11-й главе 19-й книги указанного произведения Монтескье счел необходимым заметить: «Я говорил это совсем не для того, чтобы уменьшить бесконечное расстояние между пороками и добродетелями: упаси, Боже! Я хотел только дать понять, что не все политические пороки являются пороками моральными, и не все моральные пороки являются политическими пороками; и это есть то, что не должны игнорировать те, кто издает законы, оскорбляющие общий дух»¹⁷. В «Наказе» императрицы Екатерины II эта мысль получила следующее выражение: «Предложенное МНОЮ здесь не для того сказано, чтобы хотя на малую черту сократить бесконечное

¹⁴ Полное его имя — Шарль-Луи де Секонда, барон Ля Брэд и де Монтескье (Charles-Louis de Seconda, Baron de La Brède et de Montesquieu).

¹⁵ «C'est au Législateur à suivre l'esprit de la Nation, lorsqu'il n'est pas contraire aux principes du Gouvernement; car nous ne faisons rien de mieux que ce que nous faisons librement, et en suivant notre génie naturel» [*Montesquieu Ch.-L.*] De L'Esprit des Loix ou du Rapport que les Loix doivent avoir avec la Constitution de chaque Gouvernement, les Moeurs, le Climat, la Religion, le Commerce, & à quoi l'Auteur a ajouté De recherches nouvelles sur les Loix Romaines touchant les Successions, sur les Loix Françaises, et sur les Loix Féodales. Tome Premier. A Genève, 1748. P. 484. Здесь и далее перевод автора статьи.

¹⁶ Императрица Екатерина Вторая. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. Библиография: проф. У. Э. Батлер. М., 2008. С. 37.

¹⁷ «Je n'ai point dit ceci pour diminuer rien de la distance infinie qu'il y a entre les vices et les vertus: à Dieu ne plaise! J'ai seulement voulu faire comprendre que tous les vices politiques ne sont pas des vices moraux, et que tous les vices moraux ne sont pas des vices politiques; et c'est ce que ne doivent point ignorer ceux qui font des Loix qui choquent l'esprit général» ([*Montesquieu Ch.-L.*] De L'Esprit des Loix. P. 490).

разстояние находящееся между пороками и добродетелями. Боже сохрани! Мое намерение было только показать, что не все политические пороки суть пороки моральные, и что не все пороки моральные суть политические пороки. Сие непременно должно знать, дабы воздержаться от узаконений с общим народом умствованием неместных»¹⁸.

Полный текст «Наказа, данного Комиссии о сочинении проекта нового Уложения» состоял из 655 статей, 294 из них были сформулированы на основе трактата Ш.-Л. Монтескье «О духе законов». В одном из писем к французскому философу-энциклопедисту Жану Д'Аламберу Екатерина II признавалась, что при написании «Наказа» «обобрала» Монтескье на пользу своей империи.

М.М. Сперанский вполне разделял мысль Ш.-Л. Монтескье о необходимости при проведении реформ и соответственно издании законов учитывать особенности народного духа. Среди его произведений сохранилась записка «О силе общественного мнения», специально посвященная такому явлению, как народный дух. «Во всех государствах, идущих к просвещению, — писал он, — сверх силы законов и правительства, устанавливается с течением времени нечувствительно особенный род силы, коей действие над умами вначале слабое, мало-помалу расширяясь, делается, наконец, главною стихиею политического бытия и определяет судьбу человеческих обществ. Зачинаясь в тайне личного самолюбия, возрастая по мере сопряжения личных польз с общественными, образуясь положением государства, сила сия вскоре появляется среди обществ человеческих со всеми признаками могущества, часто непреодолимого и всегда уважаемого. Иногда, побораю законам и правительству, иногда им противодействуя, она низвергает государства или служит им утверждением»¹⁹. Указав далее, что такой силой выступает сила общего мнения, Сперанский подчеркнул: «*Общее мнение или дух народный* есть внутреннее убеждение большей части людей в каком-либо политическом или гражданском предмете происходящее, или

¹⁸ Императрица Екатерина Вторая. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. С. 36–37.

¹⁹ Сперанский М.М. О силе общего мнения // Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961. С. 77.

от долговременной привычки, или от предрассудка, или от постоянного действия климата, правительства и закона»²⁰.

М.М. Сперанский был согласен и с высказанной Ш.-Л. Монтескье мыслью о взаимосвязи монархического правления с существованием привилегированных сословий. «Монархическое правление, как мы сказали, — писал французский мыслитель в 7-й главе 3-й книги трактата «О духе законов», — предполагает преимущества, ранги и даже родовую знать. Природа чести требует привилегий и отличий; поэтому она сама собой находит себе место в этом правлении»²¹.

В 4-й же главе 2-й книги Монтескье сформулировал короткое правило, выражавшее, по его мнению, сущность монархии и секрет долговременной устойчивости и живучести монархическому государству: «нет монарха — нет дворянства, нет дворянства — нет монарха, но есть деспот»²².

В записке «О коренных законах государства», датируемой 1802 годом, Михаил Михайлович назвал это изречение Шарля-Луи Монтескье «великой истиною великого человека»²³. Но почему же тогда в другой своей записке — «О коренных законах государства», начертанной в том же году, Сперанский отнес Монтескье к роду неосновательных и «поверхностных умов»?

Думается, поводом для негативной оценки Монтескье стали прежде всего те выводы, которые он сделал из описанного им в 6-й главе 11-й книги трактата «О духе законов» государственного устройства Англии. Французский мыслитель представил это устройство воплощением политической свободы и основания ее обнаружил ни в чем ином, как в самой английской конституции. Монтескье увидел в ней такое разделение государственных властей — законодательной, исполнительной и судебной — которое позволяло им сотрудничать и в одновременно взаимно сдерживать друг друга.

²⁰ Там же.

²¹ «Le Gouvernement Monarchique suppose, comme nous avons dit, des prééminences, des rangs, et même une Noblesse d'origine. La nature de *l'honneur* est de demander des préférences et des distinctions; il est donc, par la chose même, placé dans ce Gouvernement» ([*Montesquieu Ch.-L.*] De L'Esprit des Loix. P. 39).

²² «Point de monarchie, point de noblesse; point de noblesse, point de monarchie; mais on a un despote» (ibid. P. 24).

²³ Сперанский М.М. О коренных законах государства // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 42.

«Если в одном и том же лице или органе магистратуры власть законодательная будет соединена с властью исполнительной, — писал он, — то свободы не будет; потому что возникнет опасение в том, что этот самый монарх или же сенат станет издавать тиранические законы, чтобы так же тиранически их применять. Не будет свободы и в том случае, если власть судить не будет отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она окажется соединенной с властью законодательной, то власть над жизнью и свободой станет произвольной, ибо судья будет законодателем. Если же она соединится с властью исполнительной, то судья получит возможность стать угнетателем»²⁴.

М.М. Сперанский не мог согласиться с утверждением, что для обуздания произвола властвующих и обеспечения соблюдения ими законов достаточно конституции, предусматривающей особым образом устроенное разделение властей. Поэтому сделав похвальное замечание в адрес Монтескье за высказанную в трактате «О духе законов» идею о взаимосвязи монархии и родового дворянства, Михаил Михайлович подверг резкой критике сформулированную им на основе английского политического опыта мысль о способности особым образом организованного разделения властей ограничить произвол верховного властителя. «Естьли бы Англия не имела других пределов своего правительства, кроме видимого властей ее разделения, она была бы государство деспотическое со всеми своими парламентами и их славными спорами»²⁵, — указал он в записке «О коренных законах государства», добавив для пояснения этих слов следующее суждение: «Те весьма ошибаются, кои думают, что в Англии закон потому только тверд, что в охранении его все государственные состояния участвуют, что парламент от государя столько же зависит, как и он от парламента, и что, наконец, все силы

²⁴ «Lorsque, dans la même personne ou dans le même corps de magistrature, la puissance législative est réunie à la puissance exécutive, il n'y a point de liberté; parce qu'on peut craindre que le même monarque ou le même sénat ne fasse des lois tyranniques pour les exécuter tyranniquement. Il n'y a point encore de liberté si la puissance de juger n'est pas séparée de la puissance législative et de l'exécutive. Si elle était jointe à la puissance législative, le pouvoir sur la vie et la liberté des citoyens serait arbitraire: car le juge serait législateur. Si elle était jointe à la puissance exécutive, le juge pourrait avoir la force d'un oppresseur» ([Montesquieu Ch.-L.] De L'Esprit des Loix. P. 244–245).

²⁵ Сперанский М.М. О коренных законах государства . С. 32.

потому друг друга равновесят, что все они слиты воедино образом правления. В самом деле, что может воспрепятствовать английскому королю обратить всю массу вверенных ему сил на испровержение английской свободы? Кому дает он отчет в части исполнительной? Не признан ли он конституциею ни ошибке, ни ответу, ни суду не подлежащим? особа его не есть ли священна и неприкосновенна даже и тогда, когда бы он себе позволил деяния тиранские?»²⁶.

Для иллюстрации сказанного Сперанский привел факты насилия английского короля Генриха VIII в отношении народной свободы, прав собственности, общественных нравов и устоев церкви, отметив, что все они совершались «под защитою и покровительством самого парламента». При этом он сослался на высказанное знаменитым английским правоведом Уильямом Блэкстоуном мнение о том, что народ Англии, хотя и обладает многими правами и свободами, может противостоять королю в случае, если он вздумает их отменить или нарушить, только одно средство — бунт. Однако «средство сие, — заметил Сперанский, — и без конституции иметь можно»²⁷.

Не принял русский мыслитель-реформатор также идеи Монтескье о том, что соблюдение конституции и ограничение произвола верховного властителя можно обеспечить уже одним сохранением сословных привилегий. Французский философ полагал, что обладавшие привилегиями аристократы, дворяне, священники, горожане смогут воспрепятствовать распространению произвола носителей государственной власти, «подобно тому как море, готовое, кажется, затопить всю землю, останавливается, встретив на своем пути травы и крошечные камешки, рассыпанные по его берегам»²⁸.

Сперанский же, ссылаясь на исторический опыт, утверждал, что «внешний образ правления, как бы ни был он составлен, естьли не утвержден он на внутреннем, не может дать неподвижного основания законам»²⁹. К этим словам Михаил Михайлович приписал: «Из сего видно, как много те ошибаются, кои думают, что права, разным состояниям дарованные, или преимущества, разным сословиям судебным или и законодательным данные, могут соделать законы

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 33.

²⁸ [Montesquieu Ch.-L.] De L'Esprit des Loix. P. 25.

²⁹ Сперанский М.М. О коренных законах государства . С. 33.

твердыми или установить образ правления — это³⁰ здание, воздвигнутое на песке... Тщетно писать или обнародовать общие государственные положения или конституции, не основав их на действительной государственной силе. Они могут быть превосходны, но никогда не будут самостоятельны»³¹.

* * *

В своих суждениях о конституции, средствах и способах обеспечения ее соблюдения М.М. Сперанский учитывал опыт конституционного развития ведущих мировых держав — Англии, США, Франции, Германии. Идея конституции как высшего закона страны, выражающего волю народа, устанавливающего правовые основы общественного и государственного строя и ограничивающего произвол верховной государственной власти, являлась доминирующей в политико-правовой идеологии этих стран в конце XVIII – начале XIX века. Все они переживали в то время переломные моменты в своей истории — революции, перевороты, реформы — и перед ними стояла задача формирования нового государственного строя или, по меньшей мере, коренного обновления старого политического порядка, сложившегося в предыдущие столетия. Такое явление, как политическая конституция, приобретало в этих условиях повышенное значение: ей придавалась роль модели нового или обновленного государственного строя. Вместе с тем в конституции видели надежное средство легитимизации этого строя.

М.М. Сперанский также видел в явлении, называемом политической конституцией, модель нового или обновленного государственного строя — инструмент для превращения верховной государственной власти персоналистского характера, предполагающего определяющее влияние личности ее носителя на ход государственных дел, в институционную государственную власть, при которой главная роль принадлежит не властвующим персонам, а составляющим эту власть институтам, принципам, юридическим нормам. Вместе с тем одним из важнейших предназначений конституции Михаил Михайлович считал придание легитимности государственной власти.

³⁰ Так в оригинале. — *В.Т.*

³¹ *Сперанский М.М.* О коренных законах государства . С. 33.

«Мы уже заметили, — писал он в записке «О коренных законах государства», — что всякое законное на земли правительство должно быть основано на общей воле народа»³².

В понимании Сперанского это означало, что конституция должна была исходить не от верховной государственной власти, а от народа. В заметках, посвященных Комиссии по составлению уложения, он следующим образом объяснил это требование: «Во всех правильных монархических системах все коренные законы должны быть творением народа, ибо ни в одном из них без противоречия предположить невозможно, чтоб народ доверил тому самому лицу определять пределы власти, для коего они полагаются, ибо пределы власти не могут быть в ее середине»³³.

Очевидно, что в данном случае подразумевалось лишь одобрение народом проекта конституции, заранее составленного по поручению верховной государственной власти. Над таким проектом как раз и работал Сперанский с конца 1808 года. И эта работа была грандиозным научно-исследовательским трудом, предполагавшим изучение сущности государственных законов, выработку основных понятий государственного права. «Чтобы определить план Государственного уложения, надлежит прежде всего составить истинное понятие вообще о законах государственных»³⁴, — заметил он в начале «Введения к Уложению государственных законов». И содержание этого сочинения действительно более похоже на научный трактат, нежели на вводную часть конституции Российской империи.

Излагая в записке «Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам» указанный план, Сперанский называет его «разумом коренных государственных законов», сообщая, что в нем «определяются следующие существенные предметы:

- I. Права державной власти.
- II. Права престола и его наследства.
- III. Образ составления законов, их сила и действие.

³² Сперанский М.М. О коренных законах государства . С. 34.

³³ Сперанский М.М. Отрывок о Комиссии уложения // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 22.

³⁴ Сперанский М.М. Введение к Уложению государственных законов // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 144.

IV. Права подданных. Разделение состояний. Означение прав политических каждого состояния и общих прав гражданских из них проистекающих.

V. Законы органические, то есть устройство тех установлений, коими закон составляется и исполняется»³⁵.

Как известно, для европейских интеллектуалов XVIII века было характерно представление о конституции как воплощении разума. Генри Болингброк, например, давал следующее определение этого явления: «Под конституцией мы подразумеваем, когда говорим правильно и точно, ту совокупность законов, институтов и обычаев, которая происходит из неких неизменных принципов разума, направленных на некие установленные объекты общественного блага, составляющие общую систему, в соответствии с которой общество согласилось управляться»³⁶. При этом английский мыслитель и политический деятель утверждал, что «Управлять обществом свободных людей посредством конституции, основанной на вечных правилах здравого смысла и направленных на содействие счастью всех и каждого индивида, является благороднейшей прерогативой, каковая только может принадлежать человечеству»³⁷.

М.М. Сперанский, хотя и употреблял часто в своих политических и юридических произведениях слово «разум», понимал под ним не какие-то неизменные принципы разума или вечные правила здравого смысла, но прежде всего закономерности организации и жизнедеятельности общества, его правовой жизни, устройства и функционирования государства.

Придавая конституции значение модели нового или обновленного государственного строя, по которой должны были совершаться государственные преобразования, он не допускал мысли

³⁵ Сперанский М.М. Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 232.

³⁶ «By constitution we mean, whenever we speak with propriety and exactness, that assemblage of laws, institutions and customs, derived from certain fixed principles of reason, directed to certain fixed objects of public good, that compose the general system, according to which the community hath agreed to be governed» (*Bolingbroke H. A Dissertation upon Parties // The Works of Lord Bolingbroke. Vol. 2. Philadelphia, 1841. P. 88*).

³⁷ «To govern a society of freemen by a constitution founded on the eternal rules of right reason, and directed to promote the happiness of the whole, and of every individual, is the noblest prerogative which can belong to humanity» (*ibid. P. 91*)

о том, чтобы насильно подгонять под нее реальную жизнь общества и государства. Предложенная им технология осуществления государственных преобразований предполагала *не уничтожение прошлого ради будущего, но сохранение его в будущем, не скачок из старого состояния в новое, а постепенное переселение в него.*

Правило, похожее более на рекомендацию, сформулированное Сперанским на основе этой идеи, гласило: **«Переход от настоящих установлений к новым так учредить, чтоб он казался самым простым и естественным, чтоб новые установления казались возникающими из прежних, чтоб ничего не отваживать и иметь всегда способы остановиться и удержать прежний порядок во всей его силе, естли бы, паче чаяния, встретились к новому какие-либо непреоборимые препятствия»³⁸.**

Столь осторожный подход к осуществлению государственных преобразований не был следствием нерешительности Сперанского. Он всего лишь отражал понимание им печальной истины: знание людьми закономерностей, по которым живет общество, устраивается и действует государство, носит весьма ограниченный характер. Поэтому любой реформатор уже по одной этой причине рискует потерпеть неудачу и нанести преобразованиями непоправимый вред своей стране. Однако на практике те или иные реформы чаще всего диктуются совсем не знанием реального состояния страны, а интересами господствующих в обществе групп. Влияние групповых интересов на содержание реформ нередко оказывается столь сильным, что полностью подавляет общий интерес. В этом случае реформы не обновляют государственный строй, систему государственного управления в целом или какую-то ее сферу, но уродуют государство, превращают государственную власть, призванную служить общему благу, в инструмент служения корыстным групповым интересам, а нередко и в орудие уголовных преступлений.

³⁸ Сперанский М.М. Общее обозрение всех преобразований и распределение их по времени // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 233.

В случаях, когда преобразования явно назрели, промедление с их проведением угрожает существованию государства, Сперанский все равно признавал необходимость «избегать всякой торопливости», но одновременно призывал «не терять времени». Так, в 1809 году он считал невозможным откладывать реформу Сената, поскольку «смещение дел управления и суда в Сенате дошло до такого беспорядка, что, независимо от общего преобразования, нельзя более отлагать нужные меры и исправления; а меры сии во всех предположениях не могут быть приняты иначе, как отделением части управления и назначением ей особенного порядка»³⁹.

Неотложной считал Сперанский в 1809 году и налоговую реформу. Но сознавая, что любое преобразование финансовой сферы затрагивает народные интересы и тем самым ополчает население на верховную государственную власть, Михаил Михайлович рекомендовал императору Александру I представить инициатором этой реформы не свою августейшую особу, а Государственный совет. «Положение наших финансов, — писал он его величеству, — требует непременно новых налогов и весьма нарочитых. без сего никак и ни к чему приступить невозможно. Налоги тягостны бывают особенно потому, что кажутся произвольными. Нельзя каждому с очевидностью и подробно доказать их необходимость. Следовательно, очевидность сию должно заменить убеждением в том, что не действием одного произвола, но необходимостью, признанною и представленною от Совета, полагаются налоги. таким образом, власть державная сохранит к себе всю целость народной любви, нужной ей для счастья самого народа; она оградит себя от всех неправых нареканий, заградит уста злонамеренности и злословию, и самые налоги не будут казаться тягостными с той минуты, как признаны будут необходимыми»⁴⁰.

Приведенные случаи показывают, что разрабатывая проекты государственных преобразований, Сперанский мыслил предельно прагматично. С такой же долей прагматизма он подходил и к решению главной проблемы любого конституционного строя,

³⁹ Там же. С. 233–234.

⁴⁰ Там же. С. 233.

а именно: как обеспечить соблюдение конституции той властью, которая ее создает и вводит в действие?

В своем подходе к этой проблеме выдающийся наш государственный деятель-мыслитель исходил из признания невозможности обеспечить соблюдение конституции исключительно самой конституцией. «Когда народ, — утверждал он, — постановив общую волею коренные законы, заставляет правительство торжественною присягою утверждать их непоколебимость; когда вследствие сего утверждения устанавливаются законодательные сословия, охранительные власти, парламенты, сенаты, государственные советы, сим еще никак не постановляются истинные пределы правительства; когда силы его при сем остаются в том же положении, в каком они до ограничения сего были, народ может назвать сей образ правления аристократическим, монархическим и даже республиканским, но в самом деле он будет деспотическим»⁴¹.

Сперанский считал тщетным «писать или обнародовать общие государственные положения или конституции, не основав их на *«действительной государственной силе»*, но что могло, по его мнению, составить *«действительную государственную силу»*, способную обеспечить соблюдение конституции?

Идея конституции в том содержании, в котором она утвердилась в политико-правовой идеологии развитых стран к началу XIX века, предполагала самым прочным основанием конституционного строя и главным источником силы правительства той или иной страны ее народ. М.М. Сперанский также утверждал, что «правительство не может иметь другой силы, как ту, которую ему народ для действия его уделяет»⁴². И размышляя над проблемой обеспечения соблюдения законов, указывал на два преимущества народа, позволявших ему ограничивать произвол носителей верховной государственной власти. Это, *во-первых*, превосходство в количественном отношении сил народа над силами правительства, и *во-вторых*, производность сил правительства от сил народа. «Не правительство рождает силы народные, — подчеркивал Сперанский, — но народ составляет силы

⁴¹ Сперанский М.М. О коренных законах государства // Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961. С. 32.

⁴² Там же. С. 34.

его. Правительство всемогуще, когда народ быть таковым ему подпускает»⁴³.

Однако несмотря на это, Михаил Михайлович признавал, что народ не способен сам по себе обеспечить соблюдение конституции. Чтобы выполнять эту роль, «народ, — отмечал Сперанский, — не только должен знать точные пределы власти и быть готовым всечасно защищать их, но он должен быть соединен в своих видах во всей его массе; иначе при малейшем разделении польз разных его состояний, силы его истощатся во взаимной борьбе их между собою и не дадут ему возможности противопоставить что-либо правительству»⁴⁴. Но в действительности народ этими свойствами не обладает и не может обладать. Преобладающей его массе не известны установленные законами пределы государственной власти. К тому же он раздроблен на разные сословия с различными, часто противоположными интересами.

Между тем силы, вверенные народом правительству, соединены в одну массу и пребывают в монопольном распоряжении государственных органов. «Силы правительства, — писал по этому поводу Сперанский, — сверх той поверхности, которую естественно берут они над рассеянными силами народа своим соединением, имеют еще то особенное свойство, что бытие их есть исключительно, ибо, как ни в каком благоустроенном государстве не можно допустить, чтоб частные общества выпускали под свою печатью государственную монету, так не можно дозволить, чтоб частные люди имели свои войски и раздавали бы почести. Это не было бы одно государство, но множество удельных систем, соединенных некоторым союзом. Образ правительства бедственный и нелепый»⁴⁵.

Если народ в целом не может по ряду причин стать силой, способной сдержать произвол верховной государственной власти и обеспечить соблюдение конституции, то что же тогда может составить такую силу? И возможно ли вообще создать ее?

М.М. Сперанский считал, что вполне возможно. Для этого, по его мнению, необходимо было прежде всего устранить главное

⁴³ Там же. С. 35.

⁴⁴ Там же. С. 36.

⁴⁵ Там же. С. 35.

обстоятельство, которое при всех формах правления делает силы народа ничтожными и утверждает самовластие. «Нет ничего нелепее и убийственнее для свободы, — указывал он, — как раздробление состояний по промыслам их и исключительные права их. Правило сие можно назвать коренным уложением самовластия»⁴⁶. Поясняя эту мысль, Михаил Михайлович подчеркивал: «Какую бы силу народ ни имел в своем характере, если он будет раздроблен на мелкие классы, если каждый класс будет иметь свои особенные выгоды и преимущества, можно утвердительно сказать, что никто ничего иметь не будет; все будет управляемо неограниченной волею, коея знаменем во всех веках было: *раздели и царствуй, divide et impera*»⁴⁷. В связи с этим он высказывал мнение о том, что первым шагом к ограничению самовластия должно стать соединение всех сословий с тем, чтобы предотвратить их борьбу между собой и уравновесить силу правительства.

Не веря в способность *всего* народа действовать в роли хранителя конституционного строя и силы, ограничивающей произвол государственной власти, Сперанский думал, что подобную роль успешно может исполнять лишь часть его — «особенный класс людей, который бы, став между престолом и народом, был довольно просвещен, чтоб знать точные пределы власти, довольно независим, чтоб ее не бояться, и столько в пользах своих соединен с пользами народа, чтоб никогда не найти выгод своих изменить ему»⁴⁸. Он предполагал, что эти люди составят «высший класс народа», специально поставленный «на стражу и охранение закона»⁴⁹.

Идея, выраженная в приведенных словах, означала, что наиболее реальной и эффективной государственной силой, способной обеспечить соблюдение конституции и ограничить произвол носителей верховной государственной власти, является особым образом организованная **национальная политическая элита**.

Будучи прагматиком, М.М. Сперанский придавал первостепенное значение порядку формирования «высшего класса народа» и поэтому довольно подробно рассмотрел в своих записках вопрос о том, «каким

⁴⁶ Там же. С. 36.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 37.

⁴⁹ Там же.

образом высший сей класс должен быть составлен, чтоб соответствовать великому своему предназначению».

Отметив, что для этого ему надлежит быть независимым как от власти государя, так и от власти народа, Михаил Михайлович признал, что такой самостоятельности «высшего класса народа» невозможно достичь, если формировать его состав путем выборов, и сделал следующий вывод: «Он должен составлять собою не место какое-либо, по избранию наполняемое, но целое состояние народа. Если бы состав его был избирательный, тогда более или менее всегда от власти правительства зависело бы его бытие, ибо правительство всегда нашло бы способ или уничтожить самое его избрание или так расположить его влиянию своего богатства и почестей, чтоб в выбор сей помещены были одни люди, ему преданные. Итак, стражи закона должны родиться таковыми; они должны иметь независимость бытия»⁵⁰.

Очевидно, что свое предназначение национальная политическая элита была способна осуществлять еще и при условии, если ее интересы соединялись с интересами народа. **В противном случае правящая страной группировка могла превратиться в губителей государства и в значительно более опасных угнетателей населения, чем самый неограниченный в своей власти правитель.** Придавая особое значение такому свойству «высшего класса народа» как соединению его пользы с пользами народа, Сперанский подчеркивал: «Если сей класс при независимости его не будет иметь сего соединения, он соделается ужаснее, нежели самое неограниченное самовластие. Когда власть предрешающая рассудит, преломив законы, отяготить народ нестерпимыми налогами и разделить корысть неправды с стражами закона, кто тогда противостанет сему насилию? Кто защитит права народа? Когда и в каком государстве сторона человечества была сильнее стороны страстей и корыстолюбия? Отсюда происходит, что везде, где высший класс народа не был с ним тесно соединен в своих пользах, низший был в жесточайшем рабстве и унижении»⁵¹.

⁵⁰ Там же. С. 38.

⁵¹ Там же. С. 39.

Провозгласив необходимость соединения интересов национальной политической элиты с интересами народа, Сперанский попытался наметить способы достижения этой цели и высказал мнение, что положить такую связь между народом и его высшим классом «весьма просто», если будет установлено: «1) чтоб дети сих людей, исключая первородных, были в числе народа, тогда притеснять народ было бы притеснять собственных своих детей, 2) чтоб все то, что касается до имений сего высшего класса, ведомо было в судилищах, по избранию народа составляемых»⁵². Но эти меры вряд ли гарантировали соединение выгод политической элиты с выгодами народа. Впрочем их недостаточность вполне понимал и сам Сперанский, поэтому обещал после приведенных слов «изъяснить сие пространнее»⁵³.

Из дальнейших его рассуждений о том, какими свойствами надлежало обладать «высшему классу народа», чтобы иметь возможность надлежащим образом выполнять свое предназначение, видно, что этот класс мыслился состоящим из весьма богатых по своему материальному достатку людей. «Высший класс народа, таким образом составленный, — утверждал Сперанский, — должен соединять в себе уважительную часть богатства государственного. Представляя собою силу народа и служа оплотом ему против самовластия, он должен и по самой наружности своей отражать на себе достоинство великого его звания. Бедность в настоящих политических системах не может почти быть совместна с уважением, а, тем менее, с духом независимости»⁵⁴.

Группа людей, образованных до такой степени, чтобы «знать точные пределы власти» и настолько богатых материально, чтобы пользоваться уважением со стороны общества и независимостью от государственных властей, не могла быть многочисленной. В записке «О коренных законах государства», датированной 1802 годом, Сперанский отметил, что для сохранения своей политической силы «высший класс народа» должен иметь малую численность, но не указал конкретной цифры. Такую цифру он назвал в написанной

⁵² Там же. С. 40.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

приблизительно в 1820–1821 годах заметке о законодательном сословии. Заявив, что меры законодательные, в отличие от мер только правительственных, «трудны, но прочны, ибо основаны не на букве, а на живой, действующей нравственной силе», Михаил Михайлович спросил далее: «Возможно ли у нас образование сей нравственной силы?.. Российское государство может ли избрать и представить в высших и средних его сословиях от 1500 до 2000 лиц, с уважительным степенем⁵⁵ просвещения, имущества и общего доверия?»⁵⁶

* * *

Связывая процветание государства с наличием в обществе образованной, независимой от правительства в материальном и политическом отношениях, но соединенной своими интересами с народными интересами элитой, Сперанский выражал тем самым главные закономерности мировой политической истории, проявлявшиеся наиболее явственно в процессе катастрофических для государственности революционных событий или смут.

Революции и смуты, приводившие к разрушению государств, протекали по-разному в различных странах и заканчивались неодинаково. Но начало у всех великих революций и смут проходило по одному и тому же сценарию: первым их актом всегда был острый конфликт внутри правящего слоя. Он быстро переходил в стадию бескомпромиссной борьбы, которая в свою очередь, выливалась, как правило, в гражданскую войну. Результатом этих процессов было разрушение исторически сложившейся конструкции верховной государственной власти.

Восстания народных масс, стихийные народные движения играли огромную роль в революциях и смутах, но разворачивались они лишь после краха верховной государственной власти: их нельзя поэтому считать причиной этих государственных катастроф. Главная тайна всех великих революций и смут сокрыта в тех процессах, которые совершались накануне их в сферах верховной государственной власти, в политических элитах общества.

⁵⁵ Так в оригинале. — *В.Т.*

⁵⁶ *Сперанский М.М.* Нужды и желания // В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. СПб., 1872. С. 815.

Опыт мировой истории учит, что настоящими «революционерами» и самыми успешными разрушителями государства — *величайшими государственными преступниками* — во всех случаях революционных катастроф были сначала **носители верховной государственной власти**. Именно они своим поведением наносили первый и самый страшный удар по зданию государственности, вызывая в нем трещины и... революцию.

Любая революция, выливающаяся в разрушение государства, сопровождается массовым неповиновением населения страны официальной государственной власти. Этот феномен всегда оказывается, в силу своей массовости, наиболее заметным революционным событием. Однако он составляет только поверхностный процесс, который скрывает под собой явление значительно более разрушительное для государства, нежели неповиновение народа государственной власти. Таким явлением всегда бывает нарушение государственными должностными лицами норм конституции, неподчинение их воле носителя верховной государственной власти, неисполнение его указов и распоряжений.

В результате подобной практики глава государства лишается эффективного инструмента управления страной, проведения своей политики во всех сферах государственной жизни. Правительство, состоящее из людей, которые, занимая государственные должности, служат не государственным, а исключительно личным эгоистическим интересам, не может выполнять функцию исполнительной власти, но вполне способно стать источником антигосударственных настроений в обществе⁵⁷.

Все эти закономерности были характерны для английской революции 1640–1660 годов⁵⁸ и французской революции 1789–1795 годов. Но в особо разрушительной форме они проявились в русском

⁵⁷ См. подробнее об этом: *Томсинов В.А.* Кризис правосознания как причина разрушения государства // *Правосознание российского общества: Типологическая характеристика. Коллективная монография / Под редакцией В.В. Сорокина и А.А. Васильева.* Барнаул, 2013. С. 208–234.

⁵⁸ О том, как борьба различных группировок правящего класса Англии разрушала в этой стране государство см. в издании: *Томсинов В. А.* Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 – август 1642 года. М., 2010.

обществе в начале XVII века — во время событий так называемой «Смуты».

В них участвовали почти все социальные группы, однако ведущую роль в крушении традиционной русской государственности сыграл правящий слой. Возлагая на него главную ответственность за «Смуту», историк И.Г. Забелин утверждал, что ее начало следует искать прежде всего в царском дворце. «В общих чертах “Смута”, — пояснял он, — представляет явление весьма своеобразное. Это не революция, не перестановка старых порядков по-новому. Это только глубокое потрясение, великое “шатание” именно государства в сказанном смысле; ибо в это время всесторонним банкротом оказался не народ, а само правительство, сама правящая и владеющая власть, и в своей единице, и в общем составе своих представителей, между тем как народ-то именно обнаружил такое богатство нравственных сил и такую прочность своих исторических и гражданских (именно гражданских) устоев, какой в нем и предполагать было невозможно»⁵⁹.

Подобные факты мировой истории убедительно показывали, что судьба любой страны зависит в значительной мере от состояния правящего в ней слоя. А это в свою очередь означало, что благотворными для государственности могли быть только такие реформы, которые способствовали появлению новой, более качественной политической элиты — «высшего класса народа», Сперанский хорошо сознавал эту закономерность, поэтому в разработанных им проектах государственных преобразований предусматривались меры не только по устройству и обновлению государственных органов и политических институтов, но и по формированию соответствующих им корпораций государственных деятелей.

Провозгласив общей и конечной целью необходимых для России государственных преобразований установление конституционного строя, позволяющего утвердить российскую государственную власть на фундаменте законов и ограничить и умерить самовластие, Сперанский запрограммировал тем самым создание в Российской империи особого законодательного органа.

⁵⁹ Забелин И.Г. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1883. С. 1.

В написанном им в 1809 году «Введении к уложению государственных законов» данный орган получил наименование **Государственной думы**, но одновременно был назван «законодательным сословием». «Из депутатов, представленных от губернской думы, — говорилось в этом проекте, — составляется законодательное сословие, под именем *Государственной думы*.

Государственная дума есть место, равное Сенату и министерству.

Государственная дума собирается по коренному закону и без всякого созыва ежегодно в сентябре месяце.

Срок действия ее определяется количеством дел, ей предлагаемых»⁶⁰.

Под «законодательным сословием» Сперанский подразумевал состав Государственной думы и одновременно основную часть политической элиты страны. «Законодательное сословие должно быть так устроено, — отмечал он во «Введении к уложению государственных законов», — чтоб оно не могло совершать своих положений без державной власти, но чтоб мнения его были свободны и выражали бы собою мнение народное»⁶¹.

В начертанной Сперанским в 1809 году записке под названием «Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам» предполагалось, что Государственная дума будет открыта в 1810 году в первый день сентября. В этот день по старому русскому календарю начинался новый год. Однако этому замыслу не суждено было осуществиться в назначенное время. О главной причине этой неудачи Михаил Михайлович напишет десятилетие спустя — в заметке, специально посвященной законодательному сословию. Он представит данное сословие в качестве фактора, придающего необходимый авторитет конституционному строю, указав, что «сила всех государственных уложений (конституций) состоит в двух следующих положениях:

- 1) Не постановлять ничего важного без общего совета.

⁶⁰ Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 195.

⁶¹ Там же. С. 166.

2) Общий совет составлять по правилам единообразного выбора уравнительно из всех свободных сословий»⁶².

По мысли Сперанского законодательное сословие, призванное составить Государственную думу, должно было формироваться из лучших, образованных представителей российского дворянства, духовенства, купечества, мещанства и крестьянства. Однако реальное состояние этих сословных групп не позволяло выделить из них достаточное количество людей, способных действовать в качестве законодателей и стражей конституционного порядка.

Отметив, что высший уровень образования в России, без сомнения, принадлежит дворянству, Сперанский признал при этом, что единственной активной силой в российском дворянстве являются военные и гражданские чиновники, однако они не могут быть включены в состав законодательного сословия. Остальную же его часть составляют люди малые и старые, привыкшие к городской или деревенской праздности, но никогда не занимавшиеся «важными политическими вопросами» и не подготовленные к ним ни теорией, ни опытом.

Что же касается купечества и мещанства, то состояние российских капиталов, указывал он, «самый образ торговли, большею частью внутренней и раздробительной, требующей более механического движения и мелких местных познаний, нежели общих и обширных соображений и умозрений, не позволяют предполагать в сем сословии ни сведений, ни навыка»⁶³. К тому уже численность его настолько мала, что невозможно выбрать достаточное количество людей, способных эффективно и с пользой для государства действовать в качестве законодательного сословия. О духовенстве и крестьянстве Сперанский заметил, что они не составляют в России сословий, священники — вследствие нищеты, крестьяне — потому что не имеют собственности. Вследствие этого им был сделан вывод о том, что возможность создания в России «законодательного сословия сильного и просвещенного весьма мало представляет вероятности»⁶⁴.

⁶² Сперанский М.М. Нужды и желания. С. 815.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 817.

Воплощением судебной власти Сперанский считал не только судебные органы, но и корпорацию судебных деятелей, способных служить высокому предназначению суда. В связи с этим реформа судебной системы понималась им не только как совокупность мер по переустройству или реорганизации судебных институтов, но и как сложный, долговременный процесс формирования и воспитания корпуса судебных деятелей. «Сословие судебное должно быть так образовано, — отмечал он во «Введении к уложению государственных законов», — чтоб в бытии своем оно зависело от свободного выбора, и один только надзор форм судебных и охранение общей безопасности принадлежали правительству»⁶⁵.

Такой подход к судебной реформе предполагал в качестве первого ее шага устройство специальных учебных заведений для подготовки судебных деятелей. Именно в этой целью в 1835 году в Санкт-Петербурге было учреждено императорское Училище правоведения. Инициатором его создания был внук императора Павла I, сын его дочери великой княгини Екатерины Павловны (1788–1818) от брака с принцем Георгием Ольденбургским, племянником Павла I, *принц Петр Георгиевич Ольденбургский* (1812–1881). Проект же устройства Училища правоведения разработал М.М. Сперанский. Данное учебное заведение стало практическим воплощением его идеи о формировании судебного сословия, высказанной им еще в начале XIX века. В нем не только давалось хорошее общее образование и знания, необходимые для судебной деятельности, но и прививались соответствующие этой профессии нравственные и умственные качества. Это была школа воспитания, в которой возвращалась когорта судебных деятелей нового типа — образованных, честных и неподкупных, видящих свое призвание **в служении Закону и Отечеству, и потому способных стать неотъемлемой частью национальной политической элиты Российской державы.**

* * *

Представленные в настоящем очерке мысли М.М. Сперанского о технологии проведения государственных преобразований не исчерпывают всего содержания его учения о том, как желательного (возможно, целесообразно, необходимо) проводить государственные

⁶⁵ *Сперанский М.М.* Введение к уложению государственных законов. С. 166.

преобразования в условиях такой страны и цивилизации, как Россия. Это учение являет собой богатейший клад идей и рекомендаций, отражающих глубокое понимание жизни общества и устройства государства, возможностей государственной власти влиять на судьбу страны, способности народа противостоять произволу властей предрержащих. Ключевыми его элементами являются следующие высказывания М.М. Сперанского:

— «Всякой степени гражданственности присвоены свои пороки и свои добродетели. Не решен еще спор, в которой из сих степеней народ счастливее» и после этого делал поразительное по своему трагическому прагматизму заявление: — **СУДЬБА ОПРЕДЕЛИЛА ВСЕМ ОБЩЕСТВАМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ МЕНЯТЬ ТОЛЬКО ПОРОКИ».**

— «Царства земные имеют свои эпохи величия и упадка, и в каждой эпохе образ правления должен быть соразмерен той степени гражданского образования, на коем стоит государство. Каждый раз, когда образ правления отстает или предвзвешивает сию степень, он испровергается с большим или меньшим потрясением.

Сим вообще изъясняются политические превращения, кои и в древние времена и во дни наши прелагали и изменяли порядок правлений.

Сим изъясняются также и те неудачи, коими нередко были сопровождаемы самые благотворные усилия политических перемен, когда образование гражданское не предуготовило еще к ним разум».

— «Итак, время есть первое начало и источник всех политических обновлений. Никакое правительство, с духом времени не сообразное, против всемогущего его действия устоять не может».

— «Хотеть в год, в два, без крутостей, без разрушения не только разобрать по частям прежнее огромное здание, но и воздвигнуть новое, конечно, невозможно. Состояние государств устроится веками, и устроится почти само собою: тот великий человек, кто положил ему твердое основание».

— «Тот много сделал, кто умел избрать и насадить первый корень, хотя оно время и стечение стихий может возрастить древо».

— «Усовершенствования принужденные не прочны, они насилуют природу. Природа всегда приуготовляет в тишине свои планы и для того произведения ее верны... Не только усовершенствования таковы непрочны, но и жалеть не должно, если они не исполняются».

— «Все царства земные идут к совершенству временем и постепенностью.., всякая страна имеет свою физиогномию, природою и веками ей данную.., хотеть все переделать есть не знать человеческой природы, ни свойства привычки, ни местных положений..; часто и самые лучшие преобразования, не быв приспособлены к народному характеру, производят только насилие и сами собою сокрушаются..; во всяком случае, не народ к правлению, но правление к народу прилагать должно».

— «Одно из главных правил лиц управляющих должно быть знать свой народ, знать время. Законодатели дают законы всегда для потомства и редко учреждают. Отсюда *avortements politiques* (политические неудачи). Народопознание столь же трудно, как и самопознание: кто может похвалиться, что себя знает?»

— «Сколько бедствий, сколько пролития крови можно бы было упредить, если бы правители держав, точнее наблюдая движение общественного духа, сообразовались ему в началах политических систем и не народ приспособляли к правлению, но правление к состоянию народа».

— «Теории редко полезны для практики. Они объемлют одну часть и не вычисляют трения всей системы, а после жалуется на род человеческий».

— «Вот заблуждение, в которое впадают ежечасно наши площадные политики, когда позволяют себе умствовать о России. У нас все есть по наружности, и ничто, однако же, не имеет существенного основания».

— «Большая часть превращений произошла от того, что люди с пламенным воображением обыкновенно свои желания и надежды представляют себе желаниями и надеждами общими и, следовательно, ставят всех других в одинаковой степени образования. На поверку же выйдет, что по тем же словами общего блага все понимали не общее, но свое благо и, следовательно, каждый хочет образовать общество по-своему и, большею частию, в свою пользу».

— «Отчего творения природы столь совершенны и столько кажутся удобны? Оттого, что она долгое время во мраке молчания и тайны приготавливает их, располагает одним приемом все их части и не прежде выводит на свет, как дав им внутреннюю силу, их оживляющую. После сего они растут и усовершенствуются сами собою; таким же точно образом должны быть приготавливаемы и перерождения царств земных. То, что кажется невозможным в одно время, быв расположено на известные эпохи и основано на общем непременимом плане, самым движением времени и обстоятельств приходит к совершенству».

— «Отчего все человеческие установления столько несовершенны? Сверх многих других причин оттого, что все они делаются по большей части отрывками и без общего начертания. Нетерпеливость, людям столь естественная, обольщение разума видами народного счастья и скорейшего улучшения, чаяние, что поправив одну часть, дела пойдут лучше, все сие вводит нередко самые благоразумнейшие правительства в частные организации и не дает, так сказать, созреть общему плану».

— «Отчего преобразования государств были часто столь бедственны? Оттого, что их начинал вопль народа, производила дерзкая предприимчивость, оканчивало пресыщение зол. Оттого, что не управляли ими мудрые государи, но бешенство страстей народных. Мудрость правительства не в том состоит, чтоб ожидать и покоряться происшествиям, но в том, чтоб владеть самою возможностью их и силою разума исторгать у случая все, что быстрое его устремление может иметь вредного».

— «Тщетно писать или обнародовать общие государственные положения или конституции, не основав их на действительной государственной силе. Они могут быть превосходны, но никогда не будут самостоятельны».

— «Самый лучший образ управления, не имея исполнителей, не только не произведет никакого полезного действия, но по необходимости родит два весьма важные и столь редко законодателями измеряемые неудобства:

1) Недоверчивость и неуважение к правительству...

2) разрушив прежний вещей порядок, хотя несовершенный, но с привычками народными сообразный, если порядок вновь установленный не будет обеспечен разумом исполнителей, он по необходимости родит во всех классах народа тем важнейшее неустройство, что все, и самые обыкновенные, упущения ему приписаны будут».

— «Вообще приметить должно, что всякая перемена без нужды и без видимой пользы есть вредна, так как все почти легкие средства в делах государственных по большей части суть средства ненадежные. Заградите первые источники зла: исправьте полицию и экономию губернскую, приведите законы в известность, просветите исполнителей. Тогда суд будет справедлив и удобен, а без сего перемены могут быть на время блистательны, но со временем зло возрастает самым исправлением его».

— «Усовершенствовать высшие части управления и суда, оставляя низшие в бездействии или беспорядке, значит тоже, что хотеть удержать реку, не заградив ее источников. между тем редко правительство доводило свои планы до сих источников».

— «Переход от настоящих установлений к новым так учредить, чтоб он казался самым простым и естественным, чтоб новые установления казались возникающими из прежних, чтоб ничего не отваживать и иметь всегда способы остановиться и удержать прежний порядок во всей его силе, если бы, паче чаяния, встретились к новому какие-либо непреодолимые препятствия».

— «Каким образом устанавливается политическая свобода в государстве? Воли одного государя к сему недостаточно. Нужно единообразное устремление сей воли к свободе в продолжение многих лет. Нужно, чтобы народ столько привык к сему единообразному действию, чтобы не представлял себе и возможным другой образ управления. уверенность сия производит, наконец, общее мнение, а общее мнение служит оплотом закону и свободе».

— «Из всех огорчений самое чувствительное для всякого человека есть расстаться с его идеями добра и находить то невозможным, что столь очевидно было бы полезно. Это мучение Тантала видеть добро, хвататься за него и никогда не поймать. Это судьба всех почти лучших человеческих желаний».